

ДЖОН ГРИШЭМ

Бестселлеры Джона Гришэма

**ДЖОН
ГРИШЭМ**

**АКТИВИСТ
ТЕОДОР БУН РАССЛЕДУЕТ**

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Г85

Серия «Бестселлеры Джона Гришэма»

John Grisham

THEODORE BOONE: THE ACTIVIST

Перевод с английского *О. А. Мышаковой*

Компьютерный дизайн *А. А. Кудрявцева*

Студия «*FOLD & SPINE*»

Печатается с разрешения Belfry Holdings, Inc.
и литературных агентств The Gernert Company, Inc.
и Andrew Nurnberg.

Гришэм, Джон.

Г85 Активист. Теодор Бун расследует : [роман] / Джон Гришэм ; [пер. с англ. О. А. Мышаковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 256 с. — (Бестселлеры Джона Гришэма).

ISBN 978-5-17-089373-7

Новая захватывающая история о Теодоре Буне!

Тео Бун, сын известных в городе юристов, не раз помогал друзьям улаживать проблемы с законом и даже доказывал невиновность тех, кого несправедливо обвиняли в преступлениях. Но на этот раз ему придется вступить в схватку с очень опасными противниками, а правила и ставки в этой игре будут совсем не детские.

Тео и его друзья отважились бросить вызов очень влиятельным людям, от которых зависит, каким быть городу и окружающим его землям, где все они живут. На кону у местных богатеев и коррумпированных политиков очень большие деньги, и эти люди не намерены делать скидку на возраст юного юриста и его друзей, срывающих их планы...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Boone & Boone LLC, 2013

© Перевод. О.А. Мышакова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-089373

Глава 1

Вторым участником дебатов была команда «Сентрал», «другой» школы городка и давнего соперника Страттенбергской средней школы. Всякий раз во время соревнований и конкурсов с «Сентрал» напряжение зашкаливало, зрителей собиралось особенно много, и все вдруг становилось чрезвычайно важным, даже простые дебаты. Месяц назад дискуссионная группа восьмого класса ССШ победила «Сентрал» при переполненном зале, и когда судьи объявили свое решение, зрители остались недовольны — слышались даже возмущенные крики. Правда, крикунов быстро успокоили: порядок и дух честного соревнования были обязательными в любом конкурсе.

Капитан команды ССШ, Теодор Бун, совмещал должности сильнейшего игрока, эксперта и палочки-выручалочки, если накалялись страсти. Его команда еще ни разу не проигрывала, хотя назвать ее непобедимой тоже было нельзя: два месяца назад закончились вничью бурные дебаты с девчачьей командой своей же школы об увеличении возраста, с которого разрешается садиться за руль, с шестнадцати до восемнадцати лет.

Но, сидя на сцене за складным столом между Аароном и Джоуи, Тео не думал о прошлых дебатах. Все трое были в пиджаках и при галстуках, что им очень шло, и смотрели на команду «Сентрал», расположившуюся за столом на сцене справа. Учитель риторики Маунт, консультант и друг Тео, произнес в микрофон:

– Итак, заключительное слово команды Страттенбергской школы произнесет Теодор Бун.

Тео посмотрел в зал, где в первом ряду сидел его отец. Мать Тео, популярный адвокат по бракоразводным делам, была сейчас в суде и очень переживала, что не увидит выступления единственного сына. Следующий ряд занимали девочки, и среди них подруга Тео Эйприл Финнимор и Хэйли Кершо, признанная первая красавица восьмых классов. Дальше сидели учителя – мадам Моник из Камеруна, преподававшая испанский (после мистера Маунта Тео жаловал ее больше всех), миссис Гарман, которая вела геометрию, и миссис Эверли, учительница английского. Присутствовала даже директор школы миссис Глэдвелл. Послушать прения приходило немало зрителей. Баскетбольный или футбольный матч собрали бы вдвое больше народу, но там в командах не по три участника, и, честно признаться, за футболом наблюдать интереснее.

Тео гнал от себя эти мысли. Астма не позволяла ему проявить себя на поле, и дебаты были единственным шансом побиться за победу на глазах у зрителей. Тео льстило, что большинство одноклассников как огня боялись публичных выступлений, а он, напротив, перед аудиторией чувствовал себя как рыба

Активист. Теодор Бун расследует

в воде. Пусть в баскетболе Джастин показывает отличный низкий дриблинг и безошибочно выполняет трехочковые броски, но у доски робеет, как четырехлетний. Брайан, плававший быстрее всех восьмиклассников Страттенберга, держится с уверенностью опытного спортсмена, но поставьте его у микрофона, и он сникнет.

Тео — другое дело. Он редко «болел» с трибун, предпочитая слушать пламенные речи адвокатов в суде. Однажды он тоже станет известным адвокатом и в тринадцать лет уже усвоил ценный урок: умение публично выступать — ключ к успеху. Ему тоже приходилось нелегко. Деловито направившись к кафедре, Тео старался не подавать вида, что внутри у него все сжимается и сердце учащенно бьется. Он читал мемуары известных спортсменов, рассказывавших, каково им приходилось перед матчами: некоторых даже рвало от волнения. Тошноты Тео не испытывал, но мучился страхом и неловкостью. Опытный судебный адвокат как-то сказал ему: «Если не волнуешься, сынок, значит, что-то не так».

По опыту Тео знал — страх скоро пройдет. Как только он начнет говорить, холодок под ложечкой исчезнет. Он щелкнул по микрофону и поглядел на арбитра.

— Благодарю вас, мистер Маунт. — Повернувшись к команде «Сентрал», Тео кашлянул, напомнил себе о необходимости говорить четко и медленно и начал: — Мистер Бледсоу отметил ряд важных моментов, заявив, что нарушители закона не должны извлекать выгоду из своего проступка и что многие сту-

денты, дети уроженцев Америки, не могут позволить себе оплатить обучение в колледже. Эти доводы нельзя игнорировать.

Набрав воздуху в грудь, Тео повернулся к залу, избегая, однако, смотреть зрителям в глаза. Опыт научил его игнорировать выражение лиц собравшихся, иначе можно отвлечься и сбиться с мысли. Поэтому, произнося речь, Тео выбирал неодушевленные предметы — пустое кресло справа, часы на дальней стене, окно слева — и постоянно переводил взгляд с одного на другое. Создавалось впечатление, что мальчик обращается непосредственно к залу, и его речь казалась убедительной и серьезной. Тео свободно чувствовал себя на трибуне, а это судьям всегда нравилось.

— Однако дети рабочих без документов, — продолжал Тео, — которых мы называем нелегальными мигрантами, не выбирали, где родиться, равно как и в силу возраста пока не могут выбирать, где им жить. Их родители приняли решение незаконно въехать на территорию Соединенных Штатов, но толкнули их на это голод и поиски работы. Несправедливо наказывать детей за проступок родителей. И в нашей школе, и в «Сентрал», и в других школах округа есть ученики, которым не полагалось бы здесь учиться, потому что их родители нарушили закон. Но мы их приняли, признали, наша система дает им образование, многие из них — наши друзья.

Обсуждаемая проблема стояла крайне остро: в штате возникло массовое движение за запрещение детям нелегальных мигрантов поступать в государственные

вузы. Сторонники движения заявляли, что университеты, во-первых, не выдержат наплыва мигрантов, во-вторых, последние займут места американских студентов, которые с грехом пополам прошли бы по конкурсу. В-третьих, обучение детей мигрантов обойдется в миллионы долларов, а их придется брать из налогов, которые платят граждане США. Команда «Сентрал» совершенно справедливо упомянула об этом во время прений.

Тео продолжил:

— Согласно законодательству, наша школа, как и все школы нашей страны, обязана принимать и обучать всех детей независимо от того, откуда они родом. Если государство оплачивает им первые двенадцать лет обучения, с какой же стати закрывать перед ними двери колледжей?

Перед Тео на кафедре лежал листок с краткими тезисами, но мальчик на него не смотрел. Арбитрам нравилось, когда участники дебатов говорят не по бумажке, и Тео не хотел упустить дополнительные очки (команда «Сентрал» в полном составе не отрывала носа от своих записей).

Тео поднял палец и произнес:

— Во-первых, здесь ставится вопрос о честности. Родители твердят нам о необходимости поступать в колледж; это часть американской мечты, поэтому мне представляется несправедливым принимать закон, в результате которого многие наши друзья лишатся возможности получить высшее образование. — Тео поднял второй палец: — Во-вторых, конкуренция —

это даже хорошо. Мистер Бледсоу придерживается мнения, что граждане США должны иметь приоритет при поступлении в вузы на том основании, что их родители живут здесь дольше, пусть даже такие абитуриенты подготовлены хуже, чем дети нелегальных мигрантов. Но разве вузы не должны принимать самых способных? В нашем штате ежегодно открывается около тридцати тысяч мест для поступающих, зачем создавать кому-то особые условия? Если вузы принимают лучших из лучших, это повышает уровень образования? Повышает. Принимать нужно тех, кто этого заслуживает, не отказывая абитуриентам единственно на том основании, что их родители не там родились.

Учитель Маунт сдерживал улыбку: Тео говорил вдохновенно и знал это. Он добавил в голос нотки гнева, чтобы придать сказанному весомость — это же очевидные вещи, как их можно оспаривать? Речь его явно подходила к эффектной концовке.

Тео поднял третий палец.

— И наконец... — Он сделал паузу и перевел дыхание, оглядывая аудиторию, словно заключительный аргумент будет настолько самоочевидным и бесспорным, что ни у кого не останется сомнений. — Многие исследования свидетельствуют, что у людей с высшим образованием возможностей больше, должности лучше и зарплата выше, чем у оставшихся без диплома. Колледж — несомненный шаг к новому уровню жизни, а высокая зарплата означает больше налогов, которые, в свою очередь, пойдут на улучшение условий в школах и университетах. Те, кому пе-

Активист. Теодор Бун расследует

рекроют возможность поступить в колледж, скорее всего, пополнят ряды безработных, что только усугубит существующие проблемы.

Тео снова остановился и взялся за верхнюю пуговицу пиджака — ему хотелось излучать абсолютную уверенность.

— В заключение добавлю: предложение закрыть двери университетов перед студентами, чьи родители приехали нелегально, уже отвергли более чем в двадцати штатах. Министерство юстиции в Вашингтоне пообещало возбудить дело против нашего штата, если у нас примут подобный закон. Это близоруко, несправедливо и попросту нечестно. Америка — страна равных возможностей, все наши предки в свое время прибыли сюда как иммигранты. Мы — нация иммигрантов. Благодарю за внимание.

Учитель Маунт поднялся на сцену, когда Тео шел к своему столу, и с улыбкой сказал:

— Аплодисменты обеим командам.

Аудитория, которую строго предупредили воздерживаться от проявлений эмоций, охотно зааплодировала.

— Небольшой перерыв, — объявил Маунт.

Тео, Аарон и Джоуи вышли на середину сцены, чтобы пожать руки команде «Сентрал». Все шестеро испытывали огромное облегчение — дебаты закончились. Тео кивнул отцу, а мистер Бун поднял оба больших пальца, показывая, что речь была отличная.

Через несколько минут судьи объявили победителей.

Глава 2

Избавившись от пиджака и галстука, Тео остался в привычных брюках хаки, не сменив, однако, белую рубашку, отдававшую парадностью. Уроки закончились, но по средам Тео ходил в музыкальный кружок. Он шел в репетиционную, а попадавшие навстречу восьмиклассники поздравляли его с очередным триумфом. Тео небрежно принимал поздравления, хотя в душе был очень доволен собой. Наслаждаясь вкусом очередной победы, он, однако, не кичился ею. «Не заносись, — сказал ему один адвокат. — В следующий раз вердикт присяжных может посадить тебя в лужу». Или, в случае Тео, очередные дебаты могли обернуться жестоким поражением.

Войдя в концертный зал, он прошел в помещение для репетиций, где ребята уже доставали инструменты, готовясь к занятию. Эйприл Финнимор настраивала скрипку, когда Тео подошел к ней.

— Прекрасная речь, — тихо сказала она. Эйприл редко говорила громко. — Никто лучше не сказал.

— Спасибо. Хорошо, что ты присутствовала — аудитория сегодня подобралась хорошая.

— Ты будешь знаменитым адвокатом.

Активист. Теодор Бун расследует

– Это моя мечта. Не знаю только, каким боком к этому музыка...

– Музыка уместна везде, – произнесла Эйприл.

– Как скажешь. – Открыв большой футляр, Тео бережно извлек из него виолончель, принадлежавшую школе. Некоторые участники ансамбля, как Эйприл, обзавелись собственными инструментами, но Тео и другие пользовались школьными, не зная, насколько серьезно их увлечение музыкой. Он начал ходить в кружок, поддавшись уговорам Эйприл, отчего миссис Бун пришла в восторг.

Тео не знал, почему он выбрал виолончель. Он не помнил, как это произошло, и даже не мог бы с уверенностью сказать, что сам принял решение. В струнном оркестре обычно есть скрипки, альты, контрабас, хотя бы одна виолончель и фортепиано. Девочки предпочли скрипки и альты, а Дрейк Браун сразу ухватился за громоздкий контрабас. Виолончель осталась без хозяина. Едва взяв смычок, Тео понял – ему никогда не научиться прилично играть.

Музыкальный кружок недавно появился в расписании на шесть недель под названием класса для начинающих. Для таких начинающих, которые никогда не занимались музыкой, мало что о ней знали и не отличались талантом. Тео, как и большинство участников ансамбля, вполне соответствовал этим критериям. Требовали от них мало, занятия проводились раз в неделю, и задумывались они скорее как развлечение с обучением чему-нибудь и как-нибудь.

Развлечение обеспечивал учитель Сасстранк, шустрый сухонький старичок с длинными седыми волосами, диковатым взглядом карих глаз, с нервным тиком и в неизменном вытертом клетчатом коричневом пиджаке. С его слов, за долгую карьеру он руководил несколькими оркестрами и уже десять лет преподавал музыку в Страттен-колледже. Сасстранка отличало хорошее чувство юмора — он смеялся вместе с учениками, когда они делали ошибки, что случалось постоянно. Его задачей, как он говорил, было привить им вкус к музыке, «дать ее распробовать». Он не строил планов воспитать профессиональных музыкантов.

— Давайте-ка освоим основы, ребятки, поиграем и поглядим, что у нас получится, — говорил он каждую неделю.

Через четыре занятия ученики не только полюбили кружок, но и стали серьезнее относиться к музыке. Но всему хорошему приходит конец.

Мистер Сасстранк опоздал на десять минут и появился в репетиционной взъерошенный и расстроенный. Поглядев на учеников, он неуверенно начал:

— Я только что был у директора. Кажется, меня увольняют.

Ребята растерянно переглянулись. Мистер Сасстранк с трудом сдерживал слезы.

— Как мне объяснили, в городских школах проходят сокращения в связи с дефицитом бюджета. Кажется, поступило меньше финансирования, чем рассчитывали, поэтому внеклассные занятия и програм-

Активист. Теодор Бун расследует

мы с сегодняшнего дня отменены. Мне очень жаль, ребята, но урока не будет.

Все онемели. Подростки не только были огорчены отменой любимого кружка — им было жаль Сасстранка. Как-то раз он с юмором признался, что откладывает скромную школьную зарплату на пополнение своей коллекции дисков произведениями великих композиторов.

— Ерунда какая-то, — возмутился Дрейк Браун. — Зачем же набирали ансамбль, если нельзя доучиться?

Мистер Сасстранк не нашелся с ответом:

— Об этом надо спрашивать не у меня.

— Разве у вас нет контракта? — не удержался Тео, сразу пожалев о своей нескромности. Он знал, что учителя подписывают со школой годичный контракт — учитель Маунт объяснял это на уроке государственного устройства.

Мистер Сасстранк хмыкнул, улыбнулся через силу и ответил:

— Есть, но чисто формальный. Там черным по белому сказано, что при наличии уважительных причин школа может в любое время отказаться от моих услуг. Это частая оговорка.

— Не контракт, а листок бумаги, — пробормотал Тео.

— Да. Простите, ребята, но занятие, наверное, окончено. Я с удовольствием с вами занимался и желаю вам самого лучшего. У одних из вас есть зачатки таланта, у других нет, но, как я говорил, каждый может научиться играть упорным трудом и ежедневной